

УДК 1 (47+57) (091)

Современные исследовательские проблемы истории русской философии

В.В. Сербиненко

Российский государственный гуманитарный университет, кафедра истории отечественной философии

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы изучения отечественной философской традиции. Особое внимание уделяется методологическим аспектам исследования основных направлений русской философской мысли. Ставится задача определения полифонического единства русской философии, проявляющегося в конкретно-личностном опыте философского творчества русских мыслителей, в споре-диалоге разнообразных философских позиций и концепций. Анализируются возможности актуализации отечественного философского наследия, что предполагает, в частности, понимание значения опыта "новой русской метафизики" XX в. в контексте философской современности.

Abstract. The paper considers topical questions of Russian philosophical tradition. The special attention has been paid to methodological aspects of studying the main trends of Russian philosophy. The task has been set to define polyphonic unity of Russian philosophy shown in philosophical works of Russian thinkers, in discussions and dialogues of different philosophical concepts. The possibility of actualization of domestic philosophical heritage has been analyzed as well.

1. Введение

Проблемы исследования русской философии в настоящее время имеют в методологическом плане вполне универсальный характер. Это те же проблемы, которые возникают перед историком философии, перед каждым, кто занимается историей идей различных эпох, народов и культур. Иначе говоря, современные проблемы истории мировой философии в решающей мере определяют круг вопросов, значимых и для исследователя истории отечественной философской традиции. Еще относительно недавно ситуация была принципиально иной. Вероятно, никакая другая область историко-философских исследований не была идеологизирована в такой мере, как история отечественной мысли. Классический пример: мы все знаем, насколько "успешно" решалась теоретиками задача превращения конспектов (так называемых "Философских тетрадей") в некий нетленный философский текст, в одно из высших достижений русской мысли.

Однако эпоха идеологического материализма и порожденная этой эпохой специфическая проблематика остались в прошлом, и последующие годы были наполнены, если говорить о сфере истории русской мысли, нормальным, в чем-то даже рутинным процессом освоения отечественного философского наследия, уже без каких бы то ни было ограничений и идеологически заданных ориентиров. В целом, можно констатировать, что с начала 90-х гг. и по сей день удалось сделать достаточно много. Издано значительное количество текстов, есть примеры замечательной комментаторской работы, увидели свет интересные монографии, энциклопедии русской философии, в диссертационном потоке также можно обнаружить яркие и серьезные труды. Издержки, безусловно, есть, и их немало. Тем не менее, в плане усвоения и освоения новых идей, проблем и позиций (новых для российской историко-философской науки в постсоветский период), достигнутые результаты в истории отечественной философии вполне сопоставимы с тем, что удалось осуществить за тот же период в истории зарубежной философии. В конце концов, в обоих случаях пришлось уходить от прежних идеологических установок и стереотипов.

2. Актуальные задачи изучения истории русской философии

Наиболее значимыми именно для современного этапа исследований истории отечественной философской культуры представляются три блока вопросов и, соответственно, задач:

- реконструкция реального образа истории отечественной философии в его возможной целостности и полноте;
- понимание русской философской традиции в контексте истории мировой, прежде всего, европейской, философии;
- понимание опыта отечественной философской мысли в свете современной философской ситуации и гораздо шире: в контексте современности (или, допустим, постсовременности).

Первая задача во многом определяется особенностями исследовательской практики предшествующего периода: никакая целостность и полнота в данном вопросе (при существовавшей идеологической парадигме) была невозможна в принципе. Поэтому вполне естественно, что на этом пути исследователей привлекли в первую очередь "закрытые" прежде темы: разнообразные варианты российского философского идеализма, религиозно-философская мысль (в особенности, религиозно-философский ренессанс начала XX века), альтернативные марксистскому материализму философские позиции, судьбы и наследие идеологически "проклятых" мыслителей, философская культура русского зарубежья. Довольно часто звучавшие опасения, что все это может привести лишь к идеологической смене вех, к идеологической же апологетике ранее однозначно осуждавшихся идей и ценностей, к счастью не подтвердились. Результаты оказались гораздо более существенными. Отмечу только некоторые: достаточно интенсивно в последние годы изучалась богословская традиция Древней Руси, ее византийские и болгарские истоки и влияния; роль и значение философии в системе российского образования (университетская и духовно-академическая философия); немало сделано в плане исследования философских оснований российской либеральной и консервативной мысли (ранее эти направления, как мы знаем, фиксировались в качестве периферийных, если не маргинальных явлений российской интеллектуальной жизни); совершенно нормальным и позитивным представляется тот факт, что в поле внимания исследователей все чаще попадают фигуры и позиции, выражаясь условно, "второго ряда" истории отечественной мысли, без учета которых, тем не менее, понимание философского процесса в России всегда будет страдать односторонностью; к числу приоритетных исследовательских тем относится задача определения роли философии в мире русской культуры различных эпох, ее многообразных связей с художественным творчеством, с методологией научного знания (гуманитарных и естественных наук), богословием, мировоззренческой и идеологической сферами.

Предметом исследования в истории отечественной мысли становятся как традиционные элементы философской традиции: соответствующие варианты российского опыта в области онтологии, гносеологии, этики, эстетики, – так и более поздние и специфические формы философского знания: философия истории, философия культуры, философия религии, политическая философия, философская антропология и др. Идеологическая схема "диалектического" противостояния на российской философской почве "основных философских направлений" (материализма и идеализма, марксизма и буржуазных теорий) уступает место гораздо более реалистическому образу интеллектуальной жизни, в которой существенную и плодотворную роль играл спор-диалог самых разнообразных идей и позиций (одним из наиболее успешных исследовательских проектов последних лет стала издательская серия "Pro et contra").

В последнее время проблема единства русской философской традиции обсуждается достаточно широко. Представляется наиболее продуктивным такой подход, когда поиск искомого единства ни в коей мере не игнорирует присущего отечественной философской культуре многообразия, которое не есть хаос и не есть лишь борьба мнений, идеологических пристрастий и интересов. Во-первых, потому, что древний принцип различения двух путей: мнения и истины, безусловно, был воспринят и многократно демонстрировал свою универсальность на российской почве. Во-вторых, известная (и уже наша отечественная) философская максима "философия всегда есть личное дело философов" вполне заслуживает того, чтобы быть примененной и к истории русской мысли. Единство, в таком случае, надо искать в самом опыте постижения истины русскими философами, т.е. в их собственно философском творчестве. Попытки же обнаружения некоего внешнего единства, внешнего по отношению к философскому "делу" уже не раз демонстрировали свою безнадежную тупиковость. Долгие годы историческую логику развития отечественной философии (и в этом смысле ее "единство") определяли, обращаясь к обстоятельствам социальным, политическим и идеологическим. Это подчас было отнюдь не бесполезно, "но ведь это не философия" (как сказал бы один всем известный русский метафизик). Во всяком случае, добавлю, не история философии. Единство искали и ищут в неких, едва ли не детерминирующих философское творчество особенностях национальной психологии и национального характера, на биографическо-психологическом уровне и, не так уж и редко, в странных и темных областях бессознательного "русской души", "русского эроса" и пр. "И это упражнение может быть полезно и занимательно" – еще раз цитирую, в данном случае "Теоретическую философию" Вл. Соловьева, – но какое отношение все это имеет к истории философии? Замечу также, что, безусловно, нет ничего удивительного в том, что известные увлечения методологическими установками, сформировавшимися в русле постмодернизма и постструктурализма, в конце концов, вызвали их применение и в области истории русской мысли. В самом этом факте нет ничего сугубо отрицательного. Разнообразные варианты опытов деконструкции текстов могут быть отнюдь не бесполезны в историко-философской работе. Если, конечно, борьба с так называемым логоцентризмом не становится тотальной и не приводит к фактическому отрицанию значения философских позиций, концепций, идей. В таком случае уже вряд ли можно говорить о каком бы то ни было историко-философском подходе.

3. Опыт русской философии в мировом историко-философском контексте

Целостное исследование русской философии, естественно, просто невозможно при условии ее изоляции от опыта мировой, и прежде всего европейской, философии. История философии вообще не знает совершенно замкнутых и исключительно самобытных философских традиций. Своеобразные черты русской философии могут быть определены и поняты только в контексте ее постоянного взаимодействия с европейской философской культурой. Вопросы такого рода играли существенную роль уже в "классических" трудах по истории отечественной философии: В. Зеньковского, Н. Лосского, А. Лосева, Г. Шпета и др. На этом направлении, естественно, не может быть никакой сугубо российской специализации. Так, например, С.С. Аверинцев – выдающийся исследователь мировой культуры, неоднократно обращался в своем творчестве к русским философским сюжетам, и значение этих его опытов сложно переоценить. Истории русской мысли были посвящены в последние годы труды известных исследователей зарубежной философии: П.П. Гайденко, Н.В. Мотрошиловой и др. Гораздо более объективным и системным становится изучение российского опыта рецепции европейского философского учений. Это касается российского позитивизма, гегельянства, лейбнизианства, кантианства, ницшеанства, феноменологии и других направлений, представленных в русской мысли XIX-XX вв. Полученные результаты нашли отражение, в частности, в известной серии монографических исследований: "Кант и философия в России", "Философия Шеллинга в России", "Ф. Ницше и философия в России" и др.

К числу наиболее фундаментальных историко-философских проблем относится вопрос о роли традиций платонизма и аристотелизма в истории русской культуры и философии. Только в контексте общеевропейского культурного процесса может быть понята специфика философских идей русского Просвещения, философия русского романтизма, эстетика и философия культуры русского символизма и других "эпохальных" явлений отечественной культуры. Безусловно, современное исследование истории русской философии не может не опираться на опыт зарубежных исследователей: интерес к философской культуре России не угасал на Западе на протяжении всего XX в. Можно говорить и о своего рода классиках "философского россиеведения" (Дж. Клайн, Л. Мюллер, Х. Дам, Л. Венцлер, П. Элен, Ф. Коплстон, В. Дитрих и др.) и об исследователях, успешно продолжающих эту традицию (М. Хагемейстер, Дж. Сагтон, В. Зверде, Р. Слезинский, Х. Шталь-Швейцер и др.). В последние годы рост интереса к русской философии наблюдается и на Востоке, прежде всего, в Китае (причем именно к метафизике, а не только, как это было прежде, исключительно к советскому марксизму): здесь опубликован ряд обобщающих трудов по истории русской мысли.

Особое и достаточно самостоятельное место в современных исследованиях занимает философская культура русского зарубежья. Вынужденная эмиграция русских мыслителей из Советской России, при всей трагичности этого события для них самих и для отечественной культуры, открывает новый этап в их творчестве. (Символично, что одной из главных причин высылки стал отклик наших философов на европейскую мысль, на знаменитую книгу О. Шпенглера.) Русские философы – и в их лице русская философия – становятся непосредственной и неотъемлемой частью, европейского философского процесса. Н. Бердяев и французские персоналисты, его журнал "Путь", в котором сотрудничают крупнейшие европейские интеллектуалы. Диалоги Л. Шестова с Э. Гуссерлем и М. Шелером. Русские мыслители преподают не только в русских образовательных центрах, но и в ведущих университетах Европы (тот же Шестов в Сорбонне, С. Франк в Берлинском университете), а позднее и США (как, например, русский кантианец Г. Ланц – в Стенфорде, Г. Флоровский – в Гарварде и Принстоне). Несомненный культурный эффект имела экуменическая деятельность С. Булгакова, Г. Флоровского, Б. Вышеславцева. Исследование философской культуры русского зарубежья еще далеко от своего завершения, оно требует продолжения весьма тщательных, в том числе архивных, изысканий. Но от решения этой задачи в существенной мере зависит понимание роли и значения русской философии в культуре и философии XX в.

4. Русская философия и современность

История философии как свободной, критической, проблемной мысли всегда предполагает продолжение. В продолжающемся "сократическом" диалоге философской традиции европейского типа обретают новые смысл и ценность идеи и позиции прошлого. История философии как научная дисциплина имеет дело именно с этим *живым* процессом. Игнорирование данного факта (своего рода историко-философской аксиомы) может привести к достаточно абсурдной ситуации, о чем в свое время предупреждал М. Хайдеггер: "Люди уже не думают, они «занимаются философией»". Конечно, у русской философии в XX веке была трагическая судьба. Многие связи были прерваны, расцвет русской философской культуры, пришедший на начало столетия, в силу известных исторических обстоятельств не смог получить продолжения на отечественной почве. Однако такого рода исторические драмы не редкость в истории мировой культуры. К сожалению, без следа, как мы знаем, могут сгореть и многие

замечательные рукописи. Отечественное философское наследие, к счастью, реально существует (хотя "сгоревших рукописей" было немало, иногда в буквальном смысле, как сгорели, например, в оккупированной Варшаве последние труды С. Гессена), и в настоящее время оно вовлечено в процесс живого историко-философского и собственно философского обсуждения. Современное философское мышление должно ответить на вопрос, какие именно идеи и концепции (может быть, и концепты) русских мыслителей прошли испытание историческим временем и способны к творческому (а не только в качестве образцов культурного прошлого) существованию в мире современной культуры.

Проблема действительной актуальности философских идей имеет мало общего с идеологическими запросами, в частности, с надеждами обнаружить у кого-то из философов общепользую программу "обустройства" России. Такого рода проекты были и они, безусловно, заслуживают внимания. Однако, в любом случае, соответствующие мысли, допустим, И. Ильина приобретают смысл и ценность только в свете его общей философской позиции, а более конкретно, в первую очередь, в контексте развитых им принципов философии права и этики. Но на этом уровне размышления философа оказываются уже мало пригодными для ответа на сакраментальные вопросы "что делать" и "с чего начать". Это же относится и к наследию русских мыслителей-евразийцев. Их опыты в сфере философской культурологии (весьма, кстати, разнообразные) по настоящему интересны, в том числе, и достаточно, конечно, спорные эксперименты по деконструкции традиционной российской историософии. Мотивы идеологические и политические играли существенную роль в евразийском движении. В историческом аспекте это также представляет интерес. Но в результате попыток превратить евразийство в некий вариант идеологии современного типа философские элементы пропадают, и что приходит им на смену? Ничего. Нечто подобное, как известно, произошло с марксизмом в России. Маркс называл философию "душой культуры". Итог "приключения" марксистских идей в России, в сущности, был предопределен именно утратой "философической души". В связи с этим нельзя не отметить, что за последние годы, к сожалению, у нас не появилось действительно фундаментальных и новаторских исследований по истории марксизма. Как критика, так и апологетика носят преимущественно традиционный характер, в то время как марксистская тема продолжает играть немаловажную роль в современной европейской и мировой философии.

В истории русской философии XIX и XX вв. особое место занимает метафизическая традиция. Сегодня вполне очевидна тенденциозность и наивность идеологических характеристик соловьевской и постсоловьевской метафизики как "богоискательства", "богостроительства" и т.п. Философские споры о метафизике продолжались на протяжении всего XX в., и вряд ли можно сомневаться в том, что они будут продолжены и в дальнейшем. Опыт российской метафизики по праву может считаться одним из наиболее значительных и оригинальных в философии XX в. Существеннейший его момент – многообразие этого направления русской мысли. В отечественной философии мы имеем дело, например, с опытом философского оправдания платонизма как важнейшего, системообразующего принципа европейской (и, естественно, русской) культуры (В. Соловьев, В. Эрн, С. Франк, Л. Карсавин и др.). И это отнюдь не исключительно русский метафизический сюжет. Вспомним, хотя бы, известный тезис А. Уайтхеда о том, что вся последующая европейская философия явилась ничем иным, как примечанием к трудам Платона. Но одновременно в русской метафизике представлена и последовательная философская критика платонизма (в частности, в творчестве Н. Бердяева и Л. Шестова). Спор с Платоном – это также одна из ключевых тем современной философии (причем критика платонизма имеет достаточно широкий диапазон, условно говоря: от К. Поппера до М. Хайдеггера и Ж. Делеза).

Проблематика русской философии во многих аспектах созвучна наиболее интересным и плодотворным философским направлениям и темам современной философской мысли. Это касается, например, философской антропологии. Глубоко не случайным был общеизвестный интерес ее основоположника Шелера к русской метафизике и, в частности, к идеям Вл. Соловьева. В постсоловьевской метафизике антропологическая проблематика играла центральную роль в творчестве Франка, Карсавина, в философской психологии Зеньковского, оригинальной феноменологической теории Шпета и др. Исключительным разнообразием подходов характеризуется российский опыт философии культуры (идеи русских символистов, религиозных философов П. Флоренского и С. Булгакова, историков-медиевистов Г. Федотова и Л. Карсавина, М. Бахтина, А. Лосева и многих других). Известный французский философ-персоналист Ж. Лакруа, выделяя в свое время различные типы персонализма, совершенно справедливо отнес творчество Н. Бердяева (наряду с Г. Марселем) к экзистенциальному варианту персонализма. Но персоналистские идеи (безусловно, не утратившие актуальности и в современной ситуации) представлены в отечественной философии весьма широко: в российском лейбнизианстве, кантианстве (например, в философской педагогике С. Гессена, философии права П. Новгородцева), в религиозной метафизике. Всегда значительным был интерес исследователей (в России и за рубежом) к отечественной философии истории. В последнее время – к философии религии.

Как и всякая значительная философская традиция, отечественная философия открыта для новых, творческих подходов, она в них нуждается. В существенной мере именно обсуждению современных исследовательских проблем истории отечественной мысли стремится способствовать Общество историков русской философии им. В.В. Зеньковского (РГГУ). В проводимых Обществом Историко-философских чтениях принимают участие известные российские и зарубежные исследователи (некоторые темы чтений: "Философский Восток и философская Россия: возможности и пределы историко-философской компаративистики", "«История русской философии» Зеньковского и современные проблемы историографии русской мысли", "В.В. Зеньковский и философия русской эмиграции"). Почетным членом Общества является патриарх американской славистики профессор Дж. Клайн. В прошлом году он передал Обществу исключительно ценную часть архива Зеньковского. Материалы чтений публикуются в "Вопросах философии", "Философских науках", "Историко-философском ежегоднике". В 2007 г. начинается издание сочинений В.В. Зеньковского.

Как и в любой гуманитарной дисциплине, в истории русской философии исследовательские и образовательные задачи взаимосвязаны. Вероятно, для данной области историко-философского знания это особенно важно, поскольку слишком многое здесь еще находится в стадии становления. Студенты (бакалавры и тем более магистры) должны получить ясное представление о продолжающемся исследовательском процессе, о новых результатах, о наиболее значимых проблемах и подходах к их решению. Так, например, в РГГУ общий курс истории русской философии читается на втором и третьем курсах философского факультета. Он дополняется системой курсов по выбору. В то же время история русской философии является неотъемлемым компонентом курса "история философии", который (в соответствии с образовательным стандартом) читается на всех факультетах университета. Естественно, и в рамках курса "философия" (также общеуниверситетского) обращение к "русской" философской проблематике вполне оправданно, а иногда и необходимо. При этом обсуждения заслуживает, в первую очередь, именно современная проблематика истории русской философии. Не только исследовательский процесс, но и эффективный процесс обучения истории отечественной мысли невозможен вне контекста истории мировой и, особенно, европейской философии. А поскольку никаких жестких границ между историей философии и философской современностью нет и быть не может, то и об идеях русских мыслителей можно и нужно говорить современным философским языком. Например, надо быть способным объяснить, почему на страницах последней книги Делеза и Гваттари при обсуждении философии Декарта возникает фигура Шестова, или в каком отношении находится творческий интерес отечественных философов начала XX в. к философии Лейбница и лейбницианская тема в европейской философии его последней трети (скажем, у того же Делеза). Подобные вопросы – немаловажная часть любого нормального историко-философского курса. Преподавание истории русской философии на различных факультетах (в рамках общего курса истории философии) вполне в состоянии учитывать специфику конкретного образовательного процесса. Для будущих юристов полезно познакомиться с оригинальной школой российской философии права, для религиоведов акцент может быть сделан на вопросах философии религии в отечественной мысли и т.п. Однако в любом случае "пути" русской мысли должны быть последовательно и отчетливо представлены в мире идей мировой культуры и философии, в их прошлом и настоящем.

5. Заключение

Анализ современной проблематики изучения истории русской мысли позволяет сделать следующие выводы: полифоническое единство отечественной философской традиции, ее историческое своеобразие определяются, прежде всего, ролью и значением философского знания в истории русской культуры. Судьбы философии в России неотделимы от судеб мировой философии и могут быть поняты только в контексте этих весьма сложных и многообразных связей. Культурная ценность историко-философской работы зависит не только от уровня профессиональной ориентации в сфере истории "отвлеченного философского знания", но и от понимания смысла *личного* философского выбора мыслителей прошлого и способности вступить с ними в творческий философский диалог. Последнее замечание особенно важно применительно к современной ситуации в исследовании истории русской философии.